

О расследовании мести Юэ Юань на самом деле никогда не рассказывал Линь Ханьчжи. Даже отчёты о вскрытии тел семьи Линь и другие материалы он ему не показывал.

Юэ Юань не мог забыть последнюю просьбу Линь Яня. Более того, чем дальше продвигалось расследование, тем сильнее ему казалось: когда Линь Янь написал «не расследуй», следовало действительно послушаться и остановиться.

Но теперь он уже зашёл слишком далеко, чтобы просто бросить всё. Юэ Юань был вынужден продолжать, однако не хотел посвящать Линь Ханьчжи в тайные подробности и всё надеялся сначала разобраться сам, а уже потом решить, стоит ли что-нибудь рассказывать.

В день, когда появилась важная зацепка, Юэ Юаню было уже за пятьдесят. Но он практиковал телесные техники, поэтому даже в таком возрасте его физическая форма почти не уступала пиковым годам.

Взволнованный, он поспешил по адресу, указанному источником информации, и там лицом к лицу столкнулся с единственным в истории Управления злым духом класса В.

Это был тяжёлый бой. Юэ Юань едва не погиб, однако получил часть истины, которую искал. После этого его здоровье день ото дня ухудшалось, тело исхудало до костей, а к самому делу он стал относиться с ещё большей осторожностью и скрытностью, больше не осмеливаясь сообщать Линь Ханьчжи ни слова.

Одна только попытка разыскать зацепки уже заставила кого-то выставить против него злого духа класса В. Значение этого факта Юэ Юань слишком хорошо понимал и не хотел, чтобы Линь Ханьчжи снова касался этой тайны.

В конце концов он состарился. Постарело тело, постарело и сердце. В нём уже не было той отчаянной смелости, с которой в молодости он готов был поставить на кон всё. Теперь ему было страшно. Страшно, что он не сумеет сохранить последнюю кровь Линь Яня и Нин Сяо.

Понимая, что жить ему осталось недолго, Юэ Юань вызвал Линь Ханьчжи и хотел заставить поклясться, что тот больше не будет продолжать расследование. Но Линь Ханьчжи отказался наотрез. Это был единственный раз за всю их жизнь, когда они разошлись после разговора в ссоре.

На следующий день Линь Ханьчжи получил задание в маленьком отдалённом городе, куда нужно было добираться с пятью-шестью пересадками.

Он сидел в автобусе с холодным, напряжённым лицом и снова и снова прокручивал слова Юэ Юаня. Линь Ханьчжи понимал, что тот говорил ради его же блага, но принять эту заботу всё равно не мог.

И именно в этом автобусе ему сообщили о смерти Юэ Юаня.

Рядом с ним снова стало на одного человека меньше.

Когда Линь Ханьчжи вернулся в Управление и захотел в последний раз увидеть Юэ Юаня, ему сообщили: начальник Юэ умер не на задании, поэтому тело не требовалось оставлять для расследования. Его уже кремировали по обычному похоронному обряду и отправили в Шаньинь, город его юности, где похоронили рядом с могилой матери.

Два участка на кладбище Юэ Юань купил много лет назад. Он давно решил, где будет его последнее пристанище. Его корни всегда оставались в этом маленьком городе, рядом с матерью.

В тот день, когда они с Линь Ханьчжи расстались в ссоре, Юэ Юань долго сидел с мертвенно-бледным лицом и думал. То хотел уничтожить все материалы о семье Линь, то вспоминал упрямый характер этого парня: если удалить всё подчистую, ещё неизвестно, какой самоубийственный способ расследовать самостоятельно он придумает.

Тогда положение окажется ещё хуже, чем сейчас. Промучившись всю ночь, Юэ Юань в конце концов решил спрятать всё, что знал, в собственной урне с прахом. Кроме того, в системе Управления он оставил небольшой программный триггер на материалы семьи Линь: если Линь Ханьчжи под своей учётной записью начнёт слишком часто обращаться к этим данным, программа автоматически отправит ему на электронную почту адрес могилы.

Так через семнадцать дней после смерти Юэ Юаня Линь Ханьчжи получил адрес: «город Шаньинь, улица Линьюань, кладбище Цинсун, участок № 126».

Конечно, он сразу понял, что это за место, но приехать туда без причины не мог. Поэтому ждал — ждал, пока в Шаньине не произойдёт дело, с которым местное отделение не справится и запросит поддержку центрального Управления. Тогда Линь Ханьчжи спокойно прибыл вместе с Мяо Юэ и вдобавок сделал вид, будто вообще не выходил из гостиницы, чтобы всё выглядело естественно.

Более того, ради ещё лучшего прикрытия и полной логичности завтра утром ему предстояло снова приехать сюда вместе с Мяо Юэ и уже открыто почтить память бывшего начальника.

Кладбище со всех сторон окружали горы. Вокруг стояла чёрная, плотная тьма, словно сюда совсем не проникал свет. Внезапно на тыльную сторону ладони упала прохладная капля. Линь Ханьчжи машинально коснулся уголка глаза, решив, что заплакал, но вскоре на него посыпались новые капли. Это был всего лишь дождь.

Тонкие, словно коровья шерсть, струйки мороси шли густо. В свете автомобильных фар они собирались в небольшой золотой веер, похожий на горсть фейерверков.

Дождь был слабым, но очень скоро Линь Ханьчжи промок насквозь. Холод пробирал до костей. К счастью, терпеть неудобство он умел прекрасно, поэтому особого страдания не чувствовал.

Всего лишь немного холода.

На надгробии было написано имя Ван Ши, а не Юэ Юань. Ван — фамилия матери Юэ Юаня, а Ван Ши — имя, которое дала ему она.

На самом деле он всю жизнь хотел снова стать Ван Ши. Но хотя Юэ Юань и был главой рода Юэ, даже он не мог делать всё, что пожелает. Особенно настолько демонстративно сменить фамилию, словно втопав лицо всей семьи Юэ в землю.

Какая семья потерпит, чтобы её глава носил чужую фамилию?

— Дядя Юэ... нет, дядя Ван, я пришёл тебя проведать. Вот ведь устроил. Не мог как-нибудь попроще? Обязательно было заставлять меня собственными руками раскапывать твою могилу. Такое непочтение к старшим, да ещё и дождь пошёл... Меня сейчас молнией не шарахнет?

Говоря это, Линь Ханьчжи даже не посмотрел на грязную землю. Он резко согнул колени и тяжело опустился на них, позволяя дождю мочить одежду и волосы так, что ткань прилипла к телу. Затем прямо в грязи и воде, перед фотографией простодушного Ван Ши на надгробии, трижды с громким стуком поклонился лбом до земли. Эти удары перекрыли тихий шум дождя.

Оставаясь на коленях, он прошёл так ещё два шага к маленькой камере за памятником, сложенной из цементных плит. Цемент и без того был хрупким; Линь Ханьчжи приложил немного силы и приподнял верхнюю плиту. Тут он словно что-то вспомнил и достал из багажника Volkswagen зонт, заботливо оставленный прокатной компанией из-за прогноза дождя.

Он закрепил зонт над памятником, убедился, что дождь не попадёт на урну, и лишь затем осторожно снял цементную плиту, поставил сбоку и посмотрел на обычную чёрную урну внутри.

Она была совсем не похожа на вычурные модели из похоронных домов — простая и ничем не примечательная. А ведь внутри находились останки человека, который когда-то был крепким, как небольшая гора.

Такой огромный мужчина после смерти превратился всего лишь в эту лёгкую горсть пепла.

Не зря говорят: сама смерть — самое справедливое из всего на свете.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949118>